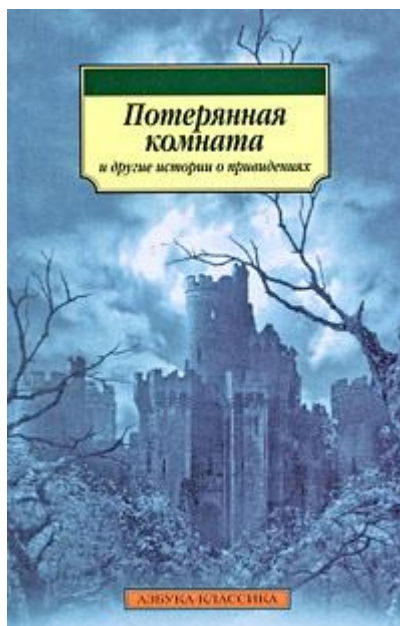

Эймиас Норткот Холмы Даунза

Эймиас Норткот ХОЛМЫ ДАУНЗА¹

Нижеследующий рассказ о происшествии из моей собственной жизни, рассказ, не влекущий за собой никаких определенных выводов, я осмеливаюсь опубликовать лишь потому, что его, как мне кажется, сочтут небезынтересным терпеливые исследователи, которые изучают феномены окружающего нас невидимого мира. Это было первое происшествие оккультного характера, с каким я столкнулся, и оно оставило в моей памяти неизгладимый отпечаток.

Случилось оно, увы, много лет назад, когда я был еще молод и как раз усиленно занимался, готовясь к ответственному экзамену. Мой друг Дж. находился в том же положении, и мы вдвоем решили расстаться на время с Лондоном и домашней жизнью и поискать тихого местечка за городом, где все будет благоприятствовать занятиям.

Дж. было известно одно такое место: ферма мистера Харкнесса, его отдаленного свойственника. Он был бездетный вдовец и жил по большей части уединенно на ферме Бранксом, где за ним смотрели пожилая экономка и один или двое слуг. Хотя мистер Харкнесс называл себя фермером и в самом деле вел довольно большое хозяйство, он обладал немалыми знаниями и культурными потребностями, много читал и глубоко изучил местную историю и фольклор. Отличаясь добродушным характером, он принадлежал в то же время к великим молчальникам и, по всей видимости, пугался самой мысли о том, чтобы поделиться своими краеведческими познаниями с чужаками вроде нас. Тем не менее, из родственной привязанности к Дж., он рад был принять нас к себе платными постояльцами и со своей экономкой приложил все усилия, чтобы мы чувствовали себя как дома.

Бранксом-Фарм представляет собой большое старомодное здание, окруженное обычными сельскими постройками; расположено оно в долине, что вьется меж холмов Даунза. Местность там красивая и уединенная; многие городские обитатели были бы удивлены, если бы узнали, что в двух-трех часах езды по железной дороге от Лондона

¹ Даунз — холмы в Юго-Восточной Англии (в особенности в графстве Сассекс).

сохранились обширные участки открытого ландшафта, где можно бродить часами, не встречая ни души, и где о цивилизации напоминают только извилистые пути, которые связывают между собой мелкие городки, деревни, одинокие коттеджи и фермы. Прямо за домом круто вздымается самый высокий в окрестности холм Бранксом-Даун, а по ту его сторону, милях в трех, расположен Уиллингбери, ближайший город, имеющий железнодорожное сообщение с Лондоном.

Я должен подробнее описать географию участка между Уиллингбери и фермой Бранксом. И ферма, и город, как почти все жилье в холмистой местности Даунз, гнездятся в долинах; дорога, их соединяющая, тянется шесть или семь миль, огибая длинную гряду холмов Бранксом-Даун. Но по прямой расстояние между ними составляет не более трех миль; взобравшись по овечьей тропе на вершину холма Бранксом, путник видит внизу обширную неглубокую впадину, по форме близкую к кругу, диаметром около трех четвертей мили, а за ней – пологий склон следующего холма. С вершины второй возвышенности видна дорога Уиллингбери–Овербери; по еще одной овечьей тропе путник достигает ее приблизительно в миле от Уиллингбери.

Весь холм покрыт красивым дерном, без деревьев и кустарника, а в те времена, о которых повествует моя история, там не было и ни одной изгороди. Едва ли не единственные здешние обитатели – стада овец под надзором пастухов и бдительных собак; дикие животные робко жмутся к естественным убежищам. О красоте холма, да и всей окрестности распространяться излишне. К чему эти описания человеку, знакомому с очарованием прогулок на свежем воздухе по упругому вековому дерну, когда глаз свободно блуждает по милям и милям гладких холмов и лишь изредка натывается на цепочку деревьев, – человеку, наблюдавшему, как скользят по косогорам полосы света и тени? Тот же, кому не выпало счастья самому прогуляться в ясную погоду по холмам Даунза, едва ли оценит со слов их магическую притягательность; остается только посоветовать ему отправиться туда и своими глазами увидеть местные красоты.

Так вот, мы с Дж. избрали себе пристанищем ферму Бранксом и приступили к упорным занятиям, чередуя их с длительными прогулками. Время текло приятно и с пользой, и, осознав однажды, что минуло уже больше половины предусмотренного срока, мы огорчились. Мы стали было изобретать предлог, чтобы задержаться в Бранксоме, но внезапно произошло событие, поменявшее наши планы.

Однажды, когда мы вернулись с прогулки, Дж. ждала телеграмма с сообщением, что он срочно нужен в Лондоне; не исключалось, что вернуться в Бранксом ему не удастся. Чтобы успеть в Уиллингбери к дневному поезду, пришлось поторопиться; чем плестись по объездной дороге в повозке, которую тянула за собой ленивая старая кобыла мистера Харкнесса, быстрее было пересечь холм пешком. Дж. поспешно запихал в сумку кое-что из одежды и зашагал к станции. Я провожал его к поезду, и мы мчались на всех парах. Однако мы неправильно рассчитали время: дневной поезд уже ушел; мы выяснили, что ближайший поезд к Лондону – ночной почтовый – прибывает в Уиллингбери незадолго до одиннадцати.

Дж. уговаривал меня покинуть его в гостинице и возвратиться в Бранксом до темноты, но мне хотелось составить ему компанию, дабы он не пал духом. Мы сошлись на том, что пообедаем вместе в «Голубом льве» и там же скоротаем вечер до отхода поезда. Я ничуть не сомневался, что по хорошо знакомой тропе легко доберусь в Бранксом даже ночью; дорогу мне будет освещать луна – она должна была взойти около десяти. Поезд прибыл в положенное время, я благополучно усадил в него Дж. и направился к дороге, соединяющей Уиллингбери с Овербери, чтобы оттуда свернуть на знакомую овечью тропинку.

Из Уиллингбери я вышел в начале двенадцатого; луна, на которую я так рассчитывал, пряталась за густой пеленой облаков. К полной тишине добавилась глубокая темень, но я не сомневался, что не заблужусь, и спокойно шагал по дороге до того места, где необходимо было свернуть. Глаза уже привыкли к темноте, и я, без труда различив начало овечьей тропы, начал быстро взбираться на холм.

Необходимо оговорить, что до той минуты я был, как обычно, бодр телом и душой,

хотя немного огорчен оттого, что Дж. внезапно уехал и нашему приятному общению настал конец. И еще: до той ночи я не подозревал в себе способности к духовному восприятию. Правда, мне иногда снились очень жизнеподобные и связные сны, однако, как большинство молодых людей на третьем десятке, я не привык задумываться об оккультных феноменах. Также следует иметь в виду, что дело происходило четыре десятка лет назад, когда мир незримых сущностей и прочие подобные предметы не столь занимали умы общества.

Я начал подъем на холм, но вскоре заметил, что во мне происходит что-то странное. Боюсь, мне не удастся описать свои ощущения так, чтобы меня понял человек, никогда не испытывавший ничего подобного, и в то же время люди, имеющие такой опыт, сочтут мой рассказ бесцветным и упрощенным.

Загадочным образом мое существо словно бы раздвоилось. Одна, привычная личность – я сам, мое тело – шагала по овечьей тропе, ни на миг не забывая о необходимости смотреть по сторонам, а также себе под ноги. Этой личности было одиноко и чуть-чуть тревожно. Темень, тишина и бескрайний простор действовали угнетающе. Я испытывал смутную тревогу и страстно желал увидеть наконец приветливые огоньки фермерского дома. О другой моей личности трудно сказать что-то определенное; она как будто существовала отдельно от тела и внешнего сознания и парила в области, где не существует ни пространства, ни времени. Ей был ведом иной мир, окружающий наш привычный мир и сообщающийся с ним; прошлое, настоящее и будущее в нем слиты в один миг, все точки пространства, близкие и отдаленные – холм и самые дальние из невидимых звезд, – сходятся в одной точке. Все было одномоментным и вечным. Сколько длилось это состояние, не знаю, – вероятно, несколько минут, а затем что-то во мне внезапно стронулось и моему земному существу (или мне это показалось?) была возвращена полная власть над сознанием.

Я заметил, что я не один. Справа, на расстоянии в четыре-пять ярдов, в том же направлении шел человек. Он появился так внезапно и беззвучно, словно возник из-под земли. Он двигался со мной нога в ногу, но, судя по всему, меня не замечая, и я обратил внимание на то, что он ступал по мягкому дерну совершенно бесшумно. Я плохо видел его в потемках, но было ясно, что он высок, крепко сбит, одет в длинный плащ, до самых ступней, плащ, воротник которого частично закрывал лицо. Голову покрывала странная треугольная шляпа, в руках виднелось что-то вроде короткой увесистой дубинки.

Я вздрогнул. Роста я небольшого и силой не отличаюсь, и появление на одиноком холме диковинного незнакомца меня насторожило. Что ему нужно? Если он следовал за мной от самого Уиллингбери, то зачем? Как бы то ни было, я решил не выдавать своего беспокойства и, бросив еще один взгляд на незнакомца, пожелал ему доброго вечера.

Он не обратил на меня ни малейшего внимания, – казалось, даже не слышал приветствия; в мертвой тишине он мерно шагал рядом со мной по косогору.

Чуть выждав, я заговорил снова; на этот раз я не узнал собственного голоса, словно он шел не из моих уст, а откуда-то издалека:

– Темная выдалась ночь.

Тут он мне ответил. Тягучим размеренным голосом, в котором слились безнадежность и мука, он произнес:

– Для вас она темная. А для меня стократ темнее.

Я не находил ответа, однако, чувствуя, что храбрость моя на исходе, решил, как бы трудно это ни было, поддержать беседу:

– Необычное место для ночных прогулок. Далеко вы собрались?

Он не удостоил меня ни взглядом, ни поворотом головы.

– Ваш путь короток и легкий, мой же далек и труден. Доколе, Господи, доколе? – незнакомец возвысил голос до крика, руки взметнул над головой, а потом уронил жестом отчаяния.

Мы были уже у самой вершины холма, и тут я заметил, как усиливается ветер. Пока я слышал только отдаленный вой – но мы находились за уступом холма, а на вершине нас атаковал стремительный порыв.

На крыльях ветра, мешаясь с его завываниями, прилетели другие звуки: человеческие голоса, многочисленный нестройный хор. Они причитали, кричали, пели, рыдали, временами даже смеялись. Вся плоская чаша под холмом Бранксом огласилась этим хором. Я не видел никого, кроме моего загадочного попутчика, который упорно шагал вперед; боясь этого соседства, но еще более страшась оказаться в одиночестве, я от него не отставал. Было все так же темно, иной раз голоса слышались совсем рядом, но мои глаза ничего не различали. И только когда мы прошли самую нижнюю точку и начали взбираться по противоположному склону, ветер разорвал облака и на холмы низвергся поток лунного света. Передо мной предстало невероятное, устрашающее зрелище. Весь Бранксом-Даун кишел сновавшими туда-сюда людьми; иные казались занятыми какими-то своими делами, другие же брели без цели, в мольбе и жалобе заламывая над головой руки. Толпа, самая разношерстная, была наряжена в костюмы всех эпох, но преобладали среди них старинные. Где-то виднелась группа в древнебританских жреческих мантиях, в стороне шел солдат в римском, увенчанном орлом шлеме. На других были одежды более позднего времени: стальные доспехи средневекового рыцаря, живописное платье и длинные волосы кавалера из семнадцатого века. Но присмотреться было невозможно: толпа находилась в постоянном движении. Едва я сосредоточивался на одной фигуре, как она растворялась в воздухе, а на ее месте возникала другая, чтобы точно так же расплыться под взглядом.

Мой спутник не обращал на толпу ни малейшего внимания. Он все так же шагал к вершине, с прежним жестом отчаяния скорбно вопрошая: «Доколе, доколе?»

У самой вершины мой спутник опережал меня на несколько ярдов. В верхней точке он остановился и застыл, вздев руки над головой. Внезапно его очертания дрогнули и начали расплываться в воздухе, постепенно от него ничего не осталось. Ветер тут же стих, голоса смолкли; оглядевшись, я увидел только голую, залитую лунным светом окрестность.

С вершины холма я заметил огонек в окне Бранксом-Фарм. Спотыкаясь, я ринулся вниз: мистер Харкнесс стоял у открытой двери. Когда я входил, он смерил меня странным взглядом.

– Неужели вы шли через Бранксом-Даун? – воскликнул он. – И когда – сегодня, именно сегодня!

– Да, – кивнул я.

– Мне нужно было вас предупредить, но я ждал, что вы вернетесь днем. Нынче на Бранксом-Дауне беспокойная ночь; бывало, здесь исчезали люди и никто больше о них не слышал. Ни один пастух и ногой туда не ступит: раз в год, именно в эту ночь, если верить молве, на холм возвращаются все, кто умер здесь насильственной смертью. Они ищут свой утраченный покой.